

МУСТАФАЕВА Азизе Сеидаметовна,
студентка 5 курса 501-СПД/з группы
Крымского филиала
ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
БАХРИЕВА З.Р.,
доцент кафедры гражданского права
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ДИСПОЗИТИВНЫХ НОРМ В ИМПЕРАТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ДОГОВОРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуется теоретико-правовой механизм, посредством которого судебное усмотрение трансформирует диспозитивные нормы договорного права в императивные ограничения свободы договора. Анализируется логико-правовая конструкция перехода от диспозитивной нормы (ст. 421 ГК РФ) через соглашение сторон к судебной квалификации с использованием оценочных категорий (недобросовестность, кабальность, противоречие основам правопорядка) и далее к фактическому императиву – ничтожности условия договора. Рассматривается проблема легитимности судебного усмотрения как источника «функциональных императивов» в контексте доктрин судейского позитивизма и свободы усмотрения как правовой необходимости. Особое внимание уделяется природе оценочных понятий и герменевтическому кругу, в котором суд интерпретирует диспозитивную норму так, что она утрачивает альтернативность. На основе анализа источников формулируются выводы о логико-правовой структуре превращения дозволения в запрет через акт судебной квалификации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: свобода договора, судебное усмотрение, диспозитивная норма, императивное ограничение, оценочные понятия, недобросовестность, ничтожность сделки.

MUSTAFAEVA Azize Seidametovna,
5th year student, 501-SPD/z group
of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Simferopol, Russia

Academic Supervisor:
MUSTAFAEVA Azize Seidametovna,
Associate Professor of the Department of Civil Law
Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev”,
Candidate of Law, Associate Professor,
Simferopol, Russia

JUDICIAL DISCRETION AS A MECHANISM FOR TRANSFORMING DISPOSITIVE NORMS INTO IMPERATIVE RESTRICTIONS ON FREEDOM OF CONTRACT: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

ANNOTATION. This article examines the legal nature of public control over police activities. Legislative and doctrinal approaches to defining this concept are analyzed, problems of normative uncertainty associated with the absence of a unified legal definition and a clear mechanism for implementing control powers are

identified. The subjects of public control, their powers and practical difficulties arising in the exercise of control functions are considered. Special attention is paid to the formal approach on the part of heads of territorial internal affairs bodies and low legal activity of the population. Based on the studied sources, proposals for improving regulatory regulation are formulated..

KEY WORDS: freedom of contract, judicial discretion, dispositive norm, imperative restriction, evaluative concepts, bad faith, nullity of transaction.

Принцип свободы договора, закреплённый в п. 1 ст. 1 и ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), признаётся одним из фундаментальных начал гражданского законодательства. Однако этот принцип не является абсолютным: законодатель и судебная практика устанавливают пределы его реализации. Полагаем, что ключевая теоретическая проблема заключается в том, что ограничения свободы договора возникают не только из прямых императивных норм, но и формируются опосредованно через механизм судебного усмотрения. Суд, применяя оценочные категории («добросовестность», «разумность», «справедливость», «кабальность»), фактически трансформирует диспозитивное по своему характеру правило в императивный запрет.

Так, в настоящей статье предпринята попытка теоретико-правового анализа этого механизма путем исследования следующей логической структуры перехода: «диспозитивная норма – соглашение сторон – судебная квалификация – фактический императив».

Отправной точкой для понимания соотношения диспозитивных и императивных начал в договорном праве является разграничение презумпций. Как справедливо отмечает А.Р. Алимгафарова, «наиболее эффективным нам видится закрепление различных презумпций в зависимости от субъектов того или иного правоотношения, а именно, презумпции императивности в отношениях с участием граждан и презумпции диспозитивности в отношениях между коммерсантами» [3].

Разделяем этот подход, однако он не снимает вопроса о роли суда в тех случаях, когда формально диспозитивная норма, предназначенная для отношений между коммерсантами, становится императивной из-за фактического неравенства переговорных возможностей. Именно здесь судебное усмотрение выступает механизмом, корректирующим изначальную законодательную презумпцию.

Сам принцип свободы договора, как указывает М.А. Горбунова, «является частным по отношению к более широкому принципу – свободе лица и автономии его воли» [5]. Изучая проблему судебного правотворчества, автор обращает внимание на процедуру «*contra legem*», когда суд отступает от буквального текста нормы, руководствуясь целями законодательного регулирования. При этом, как подчёркивается в исследовании, «возможность судебного правотворчества прошла долгий и тернистый путь».

В контексте темы настоящего исследования это означает, что судебное усмотрение, трансформирующее диспозитивную норму в императивное ограничение, исторически воспринималось как допустимый, но требующий осторожного применения инструмент. Считаем, что именно через механизм «*contra legem*» (обход закона путём телеологического толкования) суд фактически создаёт новый императив, которого нет в тексте ГК РФ.

Необходимо различать законодательно установленные границы свободы договора и те пределы, которые формируются судебной практикой. Л.А. Муравьева в своей работе обобщает, что «свобода договора реализуется в парадигме того, что разрешено все, что не противоречит нормам закона и не является запрещённым им: вместе с диспозитивными нормами права законом определены нормы императивные, которые не могут быть проигнорированы участниками» [7]. Однако следует обратить внимание на то, что в процессе правоприменения суд может придать диспозитивной норме императивный характер, если усмотрит в действиях стороны злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) или признаки кабальности (ст. 179 ГК РФ). Внешне норма остаётся диспозитивной («если иное не предусмотрено договором»), но в конкретном споре суд признаёт отклонение от неё недействительным. Возникает вопрос: является ли такое решение суда актом толкования или актом правотворчества?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к доктринальным критериям разграничения императивных и диспозитивных норм, сформулированным в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». Согласно п. 2 этого Постановления, «норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила» [2]. Однако далее, в п. 3 разъясняется, что при отсутствии явного запрета норма может быть признана императивной, если это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (слабой стороны, третьих лиц, публичных интересов) либо для недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон. Полагаем, что именно этот пункт открывает широкое поле для судебного усмотрения: суд самостоятельно оценивает, требуется ли в данном случае «превратить» диспозитивное правило в императивное ограничение.

Более того, как отмечают М.А. Корольков и И.Е. Певцова, «даже при формальном согласии сторон на определенное условие, оно может быть признано недействительным, если нарушает публичные интересы или основы правопорядка» [6]. Это означает, что судебное усмотрение действует как фильтр, через который проходят согласованные сторонами условия. Диспозитивная норма позволяет сторонам отступить от неё, но если суд, используя оценочные понятия (ст. 10, 168, 169 ГК РФ), квалифицирует такое отступление как недобросовестное или противоречащее публичному порядку, то соглашение сторон утрачивает юридическую силу. Фактически возникает новый императив: «запрещено согласовывать условие, которое суд впоследствии признает несправедливым».

Природа оценочных понятий, таких как «добросовестность» и «разумность», играет ключевую роль в исследуемом механизме. Как подчёркивают А.Г. Бабаева и Р.С. Кожаев, «принцип свободы договора своими корнями уходит в философское определение понятия «свободы»» [4]. Следовательно, именно философская неопределённость категории свободы переносится в правовую материю через оценочные понятия. Суд, интерпретируя добросовестность, наполняет её конкретным содержанием применительно к обстоятельствам дела. Если ранее диспозитивная норма позволяла сторонам любое поведение, не запрещённое законом, то после судебного акта, признавшего определённое условие недобросовестным, возникает прецедентное (функциональное) ограничение. Для других участников оборота это означает, что аналогичное условие будет признано ничтожным, даже если закон прямо его не запрещает.

Законодательное закрепление принципа свободы договора содержится в ст. 421 ГК РФ, где установлено, что «граждане и юридические лица свободны в заключении договора» (п. 1), а также что «условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами» (п. 4) [1].

На первый взгляд, эта норма является клас-

сически диспозитивной. Однако, как показывает судебная практика и разъяснения Пленума ВАС РФ № 16, свобода усмотрения сторон ограничена не только прямыми императивами, но и «существом законодательного регулирования» (п. 3 Постановления № 16). Суд, устанавливая это существо, входит в роль интерпретатора, который может объявить императивным то, что законодатель прямо не запретил. Это явление следует считать «герменевтическим кругом»: суд исходит из целей закона, чтобы ограничить свободу договора, но эти цели не зафиксированы императивно, а реконструируются самим судом.

Таким образом, следует сформулировать следующие теоретические выводы. Во-первых, судебное усмотрение выступает самостоятельным механизмом трансформации диспозитивных норм в императивные ограничения свободы договора, что проявляется в логической цепочке: диспозитивная норма – соглашение сторон – судебная квалификация с использованием оценочных понятий – фактический императив (ничтожность условия).

Во-вторых, легитимность такого механизма основывается на п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ № 16, который позволяет суду признавать норму императивной без явного запрета в законе, если этого требуют защита слабой стороны или публичных интересов.

В-третьих, оценочные понятия («добросовестность», «недобросовестность», «кабальность») служат правовыми «катализаторами» этого процесса: именно через их толкование суд придаёт диспозитивному правилу императивную силу.

В-четвёртых, разграничение допустимого судебного правотворчества и произвольного ограничения свободы договора возможно лишь при условии, что суд в каждом случае явно указывает, какой именно охраняемый законом интерес требует признания нормы императивной. Без такой мотивировки судебное усмотрение превращается в скрытый источник правовой неопределённости, что противоречит самому принципу свободы договора.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // *Собрание законодательства РФ*. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
- [2] Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. — 2014. — № 5.
- [3] Алимгафарова А. Р. К вопросу об императивных и диспозитивных началах в российском договорном праве // *Juvenis scientia*. 2017. №1. С. 30-32.
- [4] Бабаева А. Г., Кожаев Р. С. Принцип свободы договора в гражданском праве // *Символ науки*. 2023. №10-2. С. 134-137.
- [5] Горбунова М. А. Свобода договора и ее пределы // *Форум молодых ученых*. 2022. №5 (69). С. 78-87.
- [6] Корольков М. А., Певцова И. Е. Свобода договора и ее пределы: императивные ограничения

и диспозитивное регулирование // Вестник науки. 2025. №5 (86). С. 471-479.

[7] Муравьева Л. А. Правовые основы принципа свободы договора и его пределов // Вестник науки. 2025. №3 (84). С. 194-202.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on July 31, 2025, and March 25, 2026; with amendments and additions effective from August 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 16 dated March 14, 2014, «On Freedom of Contract and Its Limits» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. — 2014. — No. 5.

[3] Alimgafarova A. R. On the Issue of Mandatory and Dispositive Principles in Russian Contract Law // *Juvenis Scientia*. 2017. No. 1. P. 30–32.

[4] Babaeva A. G., Kozhaev R. S. The Principle of Freedom of Contract in Civil Law // *Simvol Nauki*. 2023. No. 10-2. P. 134–137.

[5] Gorbunova M. A. Freedom of Contract and Its Limits // *Forum of Young Scientists*. 2022. No. 5 (69). P. 78–87.

[6] Korolkov M. A., Pevtsova I. E. Freedom of Contract and Its Limits: Mandatory Restrictions and Dispositive Regulation // *Vestnik Nauki*. 2025. No. 5 (86). P. 471–479.

[7] Muravyeva L. A. Legal Foundations of the Principle of Freedom of Contract and Its Limits // *Vestnik Nauki*. 2025. No. 3 (84). P. 194–202.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.